

ВИОЛЕТТА БОГУСЕВИЧ

**ДНЕВНИК
ЛЮБЯЩЕЙ
ДОЧЕРИ...**

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ

Виолетта Богусевич

По следам памяти

«Издательские решения»

Богусевич В.

По следам памяти / В. Богусевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851598-9

В данную книгу вошла повесть, в основу которой легла личная трагедия автора. «Письма Лису» — заметки о себе и мире вокруг.

ISBN 978-5-44-851598-9

© Богусевич В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
1	6
Глава первая	7
1	7
2	9
3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

По следам памяти

Виолетта Богусевич

Посвящается моей маме...

© Виолетта Богусевич, 2018

ISBN 978-5-4485-1598-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

1

Посвящается моей маме...

Глава первая

1

Наверное, каждый из нас, особенно в детстве, думает, что родители будут жить вечно. Это ощущение и с возрастом никуда не уходит. Но время неумолимо. Никого не щадит, никому не дает поблажек и отсрочек.

Моя мама начала умирать в ту самую ночь, когда я проснулась от пугающего грохота открывшейся двери. Она, дверь, деревянная, со стеклянными вставками, всегда громко стучит о пристенок.

Несколько секунд в темноте я приглядывалась и силилась понять, что же стало причиной ее открытия. Наверное, это Катька: она постоянно лунатит по ночам, тем самым пугает нас жутко. Но ее маленький силуэт в темноте я так и не разглядела. А может, это кот? Опять прорывается в комнату, чтобы лечь у нас в ногах.

Я еще толком не осознала, что же случилось, но меня окутало страхом. Уже в тот момент я поняла, что произошло что-то непоправимое, что-то ужасное...

Вскочила с кровати, кинулась к дверям, а на пороге, на четвереньках – мама.

– О, Господи, мама! Мамочка! Что с тобой случилось? Да что же ты! Вставай!

Не встала... Так и стояла в этом положении и только слегка покачивалась вперед-назад.

– Мама! Мама! Что с тобой? И только хрип в ответ и что-то несвязное.

А я ведь так часто читала про признаки инсульта. Но тогда, в приступе паники, так и не поняла, что случилась именно эта беда. На тот момент правая рука мамы уже не двигалась.

Звонок в скорую, мучительное ожидание, метание от мамы, которая так и осталась лежать на полу, к мужу, в котором я, как всегда, искала спасения от всех бед.

А машины все нет! В такие моменты кажется, что время замерло.

Я не знала, что с мамой, но интуитивно понимала, что время мы теряем-уходят важные минуты, что она умирает. Лежит там, на полу, и умирает! А они там, на скорой, этого не понимают, не понимают, что я теряю человека, который является всем моим миром. Поднять маму мы бы не смогли, и я принесла ей подушку. Она вертелась во все стороны оттого, что ей было мокро. Потому что человек, при наступлении инсульта, мочится чуть ли не каждую минуту. Я снимала с мамы мокрый халат, а колени мои разъезжались на мокром полу. Мне было так неудобно, безнадежность окутывала...

И вот она – скорая. Фельдшер, который говорит, что нет смысла торопиться.

Поднимаем обнаженную маму втроем – кладем на диван.

Магnezия.

Ей жарко. Лицо покраснело.

Чувствительность в ногах еще присутствует.

Я напугана.

Глажу ее по голове.

– Вс-е бу-де-т хо-ро-шо. – говорит так, что я с трудом понимаю ее.

Слезы текут по ее щекам. Она утирает их здоровой рукой. Не хочет, чтобы я видела...

– Конечно же будет, мам, конечно же будет! – отвечаю ей радостным голосом, хотя, в этот момент, глядя на мамины слезы, сердце сжимается еще сильнее, и мне самой хочется плакать.

Разговаривает, значит, не все еще потерянно! Значит, выкарабкается!

Мама была у нас в гостях, но вести ее в больницу нашего региона, фельдшер местной скорой нам настоятельно не советовал. Вызвали платную скорую.

Приехали быстро. Бригада скорой выявили у нее сахар в крови 25 ммоль и аритмию.

Пока маму грузили на носилки, я галопом побежала открывать все двери. На улице в ту ночь шел дождь. Распахнула дверь подъезда и, стоя под холодными противными каплями, ждала, пока маму вынесут. Стояла и ждала, потому что понимала, что, пока будут ее нести, дождь намочит ее. Нет, дождю ее обидеть я не дам.

Маму вынесли, а я над ее лицом выставила ладони.

Я уберегала как могла...

Мчась в карете скорой помощи по ночным улицам Краснодара, мы – я и Миша – сидели рядом с мамой. Я держала ее за руку и мысленно повторяла одни те же слова: «Твои руки здоровы, твои ноги здоровы. Ты здоровуешь! Твои глазки видят, ты говоришь.»

А дальше... Каталка. Приемная. Реанимация. И бесконечные минуты ожидания.

Что же там происходит? Почему никто к нам не выходит?! Что с мамой?!

Через несколько часов мы узнали, что у мамы ишемический инсульт и она в коме. В коме...

«Умерла, не приходя в сознание» – именно такие мысли промелькнули в моем воспаленном сознании.

Но нет, мама не умерла.

Спустя пару дней от ее лечащего врача я узнала, что у нее отмерла *вся* левая часть мозга и полностью парализована правая сторона. А самое страшное, что она вряд ли сможет узнавать близких.

«Моя мама теперь инвалид. Моя мама теперь лежащая больная. Господи... как же теперь жить? Что же мне делать?»

Я поняла, что моя жизнь больше никогда не будет прежней. Теперь мне нужно учиться жить иначе. И слова «моя мама», обрели для меня теперь совсем иное значение. Ведь мама стала другим человеком, который, быть может, и не узнает меня. Она сама, как личность, сейчас толком-то и не существует. В ту страшную ночь она потеряла сама себя и стала только моей. Я буду возвращать ее к жизни, я буду ухаживать за ней. Она ведь теперь такая беззащитная, как младенец! И я сделаю все возможное и даже больше, чтобы все стало как раньше. Я СДЕЛАЮ! Я СДЕЛАЮ! Я смогу! И я справлюсь!

В такие моменты понимаешь, что пострадала не только жизнь родителя, но и твоя жизнь тоже, жизнь твоей семьи. Осознать это порой становится очень тяжело. Но на первое место встает чувство долга. И именно это чувство притупляет чувство страха перед настоящим и будущим.

2

Реанимационная палата – это концентрат боли, страха и отчаяния.

Навещать маму я ездила каждый день. Путь был не близким. Больница находилась на другом конце города, но это все такие мелочи. К маме хоть на край света, хоть к черту в ад. Пускали всего на пару минут. Кажется, что этого мало, но когда смотришь на родного человека, который весь обвешан трубками, понимаешь, что больше и не надо. Тяжело на это смотреть. И не знаешь, что в такие моменты сказать. Слова застревают в горле; чувствую, как безысходность снова окутывает, словно туман. Глажу по голове и говорю лишь только, чтобы поправлялась. Слышу, как издает булькающие звуки один из аппаратов. Смотрю в мамины глаза, а в них полное отсутствие во времени. Кажется, что они даже покрыты какой-то слегка голубоватой пеленой. Человек в глубоком оглушении... Эти глаза ничего не видят. Смотрят, но не видят... Каково это – видеть такой взгляд? Страшно. Страшно настолько, что спирает дыхание, ведь это не твои родные глаза, а чьи-то чужие... «Вам пора уходить» – говорит надзиратель.

Ухожу...

В последнюю секунду оборачиваясь выкрикиваю: «Мама, я тебя люблю!»

Я никогда, ни разу в жизни не сказала маме этих слов. По классике жанра, вырвались они у меня в самый критичный момент. А почему бы раньше не сказать? Почему не обнять? Все это мы упускаем... Скупимся лишний раз на слово доброе. Можно, конечно, оправдаться и сказать, что мол, в семье было так не принято: выставлять свои чувства напоказ, но вряд ли кому-то бы стало хуже от лишнего ласкового слова или объятия.

3

В один из дней решила съездить в Кубань (это поселок, в котором живут родители) – навестить отца.

Именно его я винила во всем, что случилось с мамой. Я считала, что из-за него ее организм не выдержал. Из-за его бесконечного пьянства, по поводу которого мама постоянно так переживала и находилась в нервном напряжении и бесконечном, нескончаемом стрессе долгие годы. По моему мнению, именно из-за того, что от него не было никакой поддержки, никакой помощи ни по хозяйству, ни в делах, и все это ложилось грузом на мамины плечи, главным из которых был именно он – и случилась эта беда.

Мое уважение к отцу пропало уже давно и я долгое время силилась понять, зачем мама продолжает с ним жить. Жить и мучиться. Быть может, одиночество пугало? На мой вопрос: «Мама, зачем? Неужели тебе саму себя не жалко? Разве такой жизни ты хотела для себя? Зачем ты тянешь его? Он ведь всю жизнь был как ребенок, которого, как и меня, нужно было обеспечивать. Сколько тебя помню, ты всегда все делала сама, а он даже розетку не может поменять! Разве это мужик? Мужчина должен оберегать свою женщину и семью. А у нас всех лелеешь ты. Он же не может ровным счетом ничего! Как паразит, присосался к тебе, а ты никак не можешь сбросить его с себя и растоптать!» На что мама всегда отвечала мне, что, пока я была маленькая, она не хотела уходить от отца, так как не желала, чтобы меня воспитывал отчим, боялась, что тот, не дай бог, будет меня обижать и ничего хорошего из этого не выйдет, а будет только хуже. Помню, когда я уже стала подростком, мама купила отцу комнату в общежитии, чтобы ему самому было куда уйти. И он даже ушел! На неделю... а может, и меньше... Пожалела. Приняла, стоило только ему попроситься обратно. Вот только он ничего не понял и выводов никаких не сделал. Ничего не боялся, будто знал, что никуда она от него не денется, что бы он ни вытворял. Поэтому все оставалось по-прежнему. Так и жил в своих запоях неделями. Работу искать и не думал. Деньги на выпивку выпрашивал у мамы. Если она ему их не давала, обязательно затевалась драка. А я во время этих бурь, убегала в комнату, чтобы спрятаться под столом. Там было мое укрытие. Это только через несколько лет я привыкла к ним настолько, что уже даже и не реагировала. Лишь только в мыслях желала того, чтобы мама как следует его отделала и чтобы ему было как можно больней. В обиду она себя не давала, всегда могла дать отцу отпор.

Если не получалось заполучить заветные купюры, он продавал то, что было в доме. В ход шло все более-менее ценное: хрустальная посуда, мамины дорогие духи и даже продукты... А однажды он вынес из дома целое ведро риса. Не знаю, где мама его столько набрала и откуда принесла. Как же она тогда плакала! Она плакала всегда, когда случались такие вот дни, но в тот день слезы граничили с отчаянием. Мама прижала мою голову к груди и пускала слезы мне в макушку. Вот именно тогда я его и возненавидела. Мало того, что он, будучи трезвым, постоянно на меня ворчал: то ему не так и это ему не так – так еще и маму обижает, гад!

Впервые я захотела его смерти, когда мне было 9 лет. И каждый раз, с очередной его выходкой, хотелось этого все больше и больше. Я так хотела, чтобы мы ушли от него, чтобы жили вдвоем с мамой, и он никогда больше не появлялся в нашей жизни, чтобы он исчез, испарился, пропал! Но ничего не менялось. Мама никуда не уходила...

Приехала к отцу, как могла, успокоила его, вселила в него свой оптимизм. Я знала, что мы справимся. Ехала с расчетом на ночевку, но больше двух часов находиться там не смогла. Для меня это просто невозможно. У меня на него аллергия.

Было уже поздно, но я вызвала такси и поехала на автовокзал города Кропоткина. Именно оттуда можно добраться до Краснодара. Прямого рейса с поселка нет. Билетов, к моему вели-

кому сожалению, в автокассе не оказалось, но был таксист, который набирал людей, и за вполне приемлемую сумму я могла бы доехать до дома.

В тот момент, когда я уже стояла и ждала, пока мне откроют багажник того самого такси, на котором я собралась ехать, на мой мобильник раздался звонок. Высветился незнакомый номер. Еще не ответив, я почувствовала что-то неладное, сердце сразу гулко застучало, и, видимо, подскочило давление, потому что зашумело в ушах. Еще немного и я, кажется, упала бы в обморок.

– Здравствуйте, Виктория Владимировна? – этот официоз еще больше укрепил меня в моих мыслях о неладном.

– Да, слушаю вас... – ответила я ослабшим голосом. Шум в ушах заглушал голос говорящей.

– Это Елена Юрьевна, лечащий врач вашей мамы.

В этот момент я поняла, что все, случилось самое страшное, и она звонит мне, чтобы сообщить самую ужасную новость.

– Мы перевели вашу маму в областную больницу по месту прописки. Больше в Краснодаре ее держать не можем. Мы оказали первую помощь, теперь она будет долечиваться там. И навещать вы ее сможете тоже теперь только там.

– Понятно. Спасибо, что сообщили. До свидания...

Нажала отбой на телефоне. К горлу подступили слезы.

Как же ты меня напугала, Елена Юрьевна!

Вслед за облегчением пришел гнев. Что это вообще такое? Какого черта вы перевозите такого тяжелого пациента! Человек еще даже с глубокого оглушения не вышел! Неужели какие-то там внутренние стандарты дороже человеческой жизни и здоровья? Я была обескуражена. Одна мысль сменялась другой и мне становилось все хуже...

Так, хорошо, слава Богу, мама жива, но она теперь здесь. Как же я буду ее навещать, если она теперь в трех часах езды от города? Ездить к ней раз-два в неделю я не смогу, потому что маму мне нужно навещать каждый день. Я не ради того увольнялась с работы, чтобы теперь сидеть тут в Краснодаре и ездить туда по возможности. Да и где возьмешь столько денег на билеты... Но как же быть тогда? Моя семья там, а я здесь.

Конечно, мы все уже давно распланировали. Смирились с тем, что нужно будет жить в поселке, да еще и вместе с отцом. Но в приоритете мама и мой уход за ней, поэтому я старалась об этом не думать. Мы понимали, что Мише придется уволиться с работы и искать что-то в местном райцентре. Даже решили, что купим ему мотоцикл, чтобы он смог не подстраиваться под местный транспорт, про который можно смело сказать «кто не успел, тот опоздал, и нечего было торопиться». Катку нужно будет перевести в поселковую школу. Но в наши планы совсем не входило то, что маму перевезут в Гулькевичи, ведь именно там находилась больница – та самая, что по месту жительства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.